

А.М. Кузнецов

СЛОВАРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ СРЕДНЕГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Рассматривается проблема оптимального представления значения слова в толковом словаре. Достоинства и недостатки словарных дефиниций выявляются с помощью опроса информантов – носителей языка, которые опознают (или не опознают) слово по заданной дефиниции.

Ключевые слова: толковые словари; словарные дефиниции; лексическая семантика; компонентный анализ; компонентный синтез.

The problem of optimum word meaning explication in explanatory dictionary is analysed. Its merits and demerits are revealed by way of questioning of informants (native speakers), who identify (or mis-identify) a word by dictionary definition.

Keywords: explanatory dictionaries; dictionary definitions; word semantics; componential analysis; componential synthesis.

На протяжении многовековой истории лексикографии существовали толковые словари самого разного типа, различающиеся по объему, по своей направленности и пр. Объединяет их одно: способ семантического «портретирования» слов. Оно в основном строится на фиксации типовых, семантически сходных словоупотреблений, наиболее часто встречающихся в разнохарактерных литературных текстах. Естественно, немаловажную роль в этом процессе играют саморефлексия и языковое чутье семасиологов, составителей и редакторов словарей.

В связи с этим вспоминается давно случившаяся дискуссия, выплеснувшаяся на страницы зарубежных научных лингвистических изданий. Споры возникли вокруг возможного представления значения весьма специфической группы глаголов английского языка: *kill*, *murder*, *assassinate*, *execute* и т.п. Все это было обозначено Дж. Мак-Коли как «дискуссия о грамматике убивания» (*the grammar of killing*) [McCawley, 1972]. Помимо него в дискуссии приняли участие весьма авторитетные ученые: Дж. Фодор, Дж. Лакофф, А. Вежбицка, Р. Диксон, М. Кэк, М. Шибатани и др.

На основании суммарного анализа материалов и наблюдений, содержащихся в данных работах, можно сделать заключение, что для эксплицитного и компактного представления значений данной группы глаголов вполне хватает следующих семантических компонентов: 1) интегрального признака «лишать жизни» (*cause to die*), а также дифференциальных признаков, характеризующих субъект и объект глагольного действия по 2) одушевленности / неодушевленности и по 3) принадлежности к разрядам лиц / неллиц. Кроме того, различие глаголов определяется признаками 4) запланированности / незапланированности действия, а также 5) законности / противозаконности действия. Последнее различие выявляется при сопоставлении, например, *execute* «казнить» VS *assassinate* «совершить убийство по политическим / идеологическим мотивам».

Последний глагол вызвал особые споры. При его описании (помимо прочего) были выявлены такие признаки: 1) объект покушения – лицо (нельзя совершить покушение на барана или порося; можно только *убить*, *зарезать на шашлык*). Кроме того, глагол *assassinate* указывает не только на убийство именно человека, но и на 2) заранее спланированное (не спонтанное) лишение его жизни. Было установлено также, что объектом убийства при данном глаголе выступает не просто лицо-человек, но 3) человек общественно известный, общественно значимый. Нельзя совершить покушение (*assassinate*), например, на уборщицу тетю Машу.

Но и это еще не все. Важен 4) – мотив покушения. Мотивом здесь выступает именно общественная деятельность общественно-го деятеля. По свидетельству П. Сёрена [Seuren, 1974, p. 10], впервые на эту особенность семантики данного глагола обратил внимание Дж. Мак-Коли. Он привел в пример ситуацию, когда некий уважаемый муж, вернувшись домой, находит в своей спальне жену в объятиях президента США. И более уязвленный, нежели поль-

щенный, берет ружье и убивает президента. Такое деяние должно быть квалифицировано как обыкновенное убийство из-за ревности (*kill*), а не как покушение (*assassination*).

Все вышеизложенное показывает, насколько большую роль играет перцептивный и апперцептивный опыт носителей языка (при этом далеко не рядовых) в нахождении всего набора необходимых и достаточных признаков при формулировании оптимальной дефиниции значения слова в толковом словаре.

Подобное описание семантики слова с помощью так называемого метода компонентного анализа в его интроспективном (саморефлексивном) варианте весьма широко бытует в лингвистике вообще и в лексикографии – в частности. В настоящее время с помощью данного метода исследуются практически все значимые единицы языка, что свидетельствует о его результативности (ср.: [Кузнецов, 1980 а; Селиверстова, 2004; Караулов, 1981] и др.). Даже модные сейчас разработки, посвященные анализу разного рода концептов, тоже не обходятся без обращения к методу компонентного анализа.

Однако в частом применении данного метода есть большое «но». Кажущаяся легкость осуществления компонентно-аналитической процедуры по отношению к отдельным лексико-семантическим областям (термины родства, глаголы движения и т.п.) нередко приводит к неверным результатам, особенно когда дело касается плохо отработанного (неудобного) языкового материала с неясной системой оппозиций, с недостаточно выраженной смысловой иерархией, с большой долей широкозначных единиц и т.п.

В связи с этим возникает необходимость в разработке способов проверки адекватности семантического описания как особого этапа компонентного анализа лексики. Здесь следует обратить внимание на то, что само название «компонентный анализ» (особенно его вторая часть) трактуется весьма широко и неопределенно, так что слово «анализ» теряет свою терминологическую строгость и выступает в качестве синонима в данном случае мало что значащих слов «рассмотрение», «изучение» и др.

А между тем в исконном терминологическом употреблении «анализ» обозначает «метод исследования, состоящий в том, что изучаемый предмет мысленно или практически расчленяется на составные элементы (признаки, свойства, отношения)... для того, чтобы выделенные в ходе анализа элементы соединить с помощью

другого логического приема – синтеза – в целое, обогащенное новыми знаниями» [Кондаков, 1975, с. 34–35].

Последнее обстоятельство часто выпадает из виду. Дело сводится к простому разбиению значений на минимальные смысловые элементы, выделение которых считается конечной целью исследования. Этап объединения этих смысловых единиц или оказывается вообще не представленным, или только предполагается. Порой это бывает связано с тем, что количество выделяемых минимальных элементов оказывается настолько велико, что возврат к целостному значению слова, «обогащенному новыми знаниями», становится затруднительным или даже вообще невозможным. И не только для рядового носителя языка, но и для самого исследователя. Вольно или невольно такой семасиолог оказывается в положении плохого пекаря: все ингредиенты вроде бы есть (есть и мука, и дрожжи, и начинка, и много чего еще), а пирог все равно не получается. Сколько бы нас ни радовали тончайшие нюансы, надо уметь вовремя вспомнить, что перед нами единое целое.

В качестве развития и дополнения метода компонентного анализа в свое время нами была предложена особая процедура объединения, сочленения выделяемых семантических признаков в рамках отдельного значения слова, а также синонимической группы слов [Кузнецов, 1986]. Эта процедура была обозначена нами как «компонентный синтез» (или, по-другому, «компонентно-синтетический прием», или «метод компонентного синтеза»). Он имеет не только теоретическую, но и практическую направленность. Практическое его применение связано, в частности, с проверкой адекватности словарных толкований.

Говоря о словарных толкованиях, или дефинициях, не следует забывать, что одно и то же слово в разных своих значениях соответствует разным дефинициям. Но для однозначного слова необходимо искать одно толкование, в наибольшей степени приближенное к языковой компетенции среднеобразованного рядового носителя языка (пользователя словаря). Для специалистов в области лексической семантики создаются разного рода специальные словари. Ср., например, Англо-русский синонимический словарь под редакцией Ю.Д. Апресяна и др. [Англо-русский синонимический словарь, 1979].

В связи с этим нельзя не согласиться с высказыванием Уриеля Вейнрейха относительно потребителей нашей научной продук-

ции, который отмечал, что «вряд ли можно достичь сколько-нибудь серьезного успеха в теоретическом или эмпирическом исследовании языковой семантики, если не допустить, что семантическая структура лексики языка, которая входит в языковую компетенцию рядового носителя языка, в принципе имеет ту же форму, в которой она представляется лексикографом в словаре» [Вейнрейх, 1981, с. 139].

Языковая компетенция очевидно связана с перцептивными (и особенно апперцептивными) способностями человека. И когда мы используем процедуру компонентного синтеза, мы полностью полагаемся на восприятие (перцепцию) носителя языка, участвующего в исследовании в качестве испытуемого-информанта. Нельзя, конечно, не отметить важную роль в этом процессе (помимо перцептивного опыта, связанного с языком) сугубо практического опыта, связанного с наблюдательностью и проницательностью, склонностью к рефлексии и аналитизму.

Говоря более подробно о самой процедуре компонентного синтеза как способе проверки адекватности словарных дефиниций, следует отметить, что первоначальным материалом такого исследования служит обычный толковый словарь. В словарной статье обычно в левой части задается слово, размещаемое в алфавитном порядке, а в правой части – толкование (дефиниция).

Толковый словарь (в отличие, например, от идеографического) нацелен на решение затруднений, возникающих при пассивном пользовании языком. Так, сталкиваясь при чтении с незнакомым словом, вы открываете словарь на соответствующую букву и узнаете его значение. При компонентном синтезе процедура имеет обратную направленность. Здесь исходным пунктом (в качестве заданного) выступает дефиниция. Именно она предъявляется информанту, перед которым ставится задача найти (угадать) соответствующее ей слово.

Но почему эта процедура названа **компонентным** синтезом? Дело в том, что еще с середины 60-х годов прошлого века утвердился взгляд на словарное толкование как на семантический комплекс (семантическую формулу), в котором каждое слово репрезентирует его минимальную смысловую составляющую (семантический компонент). Таким образом, толкование слова (дефиниция) рассматривается как скрытый в ней результат интуитивного неосознанного компонентного анализа. На этой основе была построена одна из

разновидностей компонентного анализа – так называемый дефиниционный компонентный анализ.

Единственное отличие нашего подхода состоит в целевой и, если угодно, психологической установке. В указанных дефиниционно-компонентных работах каждое словарное вхождение (слово и его дефиниция) рассматривается как неоспоримое равенство (семантическое тождество) левой и правой его частей. На этой аксиоме там строятся доказательства и проводятся дальнейшие исследования.

В отличие от этого при компонентно-синтетическом подходе эта эквивалентность выступает только как гипотеза, как один из возможных вариантов соответствия между определяемым и определением. Эта гипотеза и подвергается испытанию с помощью опроса информантов. В качестве испытуемых в эксперименте принимали участие люди, для которых язык эксперимента (русский) является родным. В любом случае они, по нашему разумению, подходили под определение рядового носителя языка и способны были выполнять поставленную задачу.

Если число положительных ответов превышало 75% (т.е. $\frac{3}{4}$ испытуемых угадывали слово по заданной дефиниции), то в этом случае дефиниция считалась принятой. Если таких ответов было меньше, толкование считалось недоопределенным.

В процессе компонентного синтеза не обязательно стремиться к поиску какой-то одной, канонической формулировки словарной дефиниции. Важно только найти такую форму толкования, по которой носитель языка мог бы легко и верно опознать стоящее за ней слово. Когда же информанты соотносят толкование не с тем словом или расходятся в ответах, это указывает на необходимость дальнейшей работы над дефиницией – включения дополнительных смысловых компонентов, частичной или полной замены существующих признаков и т.п.

Возможности человека при опознании слов, связанные с перцепцией, существенно расширяются при наличии таких факторов, как: 1) близкое знакомство с соответствующим денотатом (слово *береза* распознается гораздо легче, чем, например, *граб*, *тис* и т.п.); 2) частотность самого слова (*мать*, *отец* в отличие от *шурин*, *деверь*, *золовка*); 3) наличие формальных «подсказок» в составе самой дефиниции («дочь князя» = *княжна*; «жена генерала» = *генеральша*); 4) наконец, легко опознаются слова, в дефини-

ции которых содержится указание на какой-нибудь яркий признак (ср.: «дерево с белой корой и сердцевидными листьями», где элемент «белая кора» безошибочно наводит на слово *береза*).

При проведении опроса информанты обращали внимание на сходство поставленной перед ними задачи нахождения слова по заданной дефиниции с «проблемной ситуацией», заложенной в структуре обычной народной загадки. Это интуитивное ощущение сходства оказывается небезосновательным, в чем легко убедиться, обратившись к специальным исследованиям в области паремиологии ([Паремиологический сборник, 1978; Волоцкая, 1982] и др.).

При более подробном рассмотрении сходств и различий двух указанных феноменов нельзя не заметить, что в тексте загадки, так же как и в словарной дефиниции, дается описание загаданного (определяемого) объекта, однако в загадках сама связь плана содержания формулы загадки с денотатом-отгадкой намеренно камуфлируется, шифруется путем особого трансформированного описания реальности. Задача же словарного толкования прямо противоположная – ясное и недвусмысленное представление семантики (денотата) слова.

Для примера можно сравнить способы «портретирования» одного и того же объекта (например, коромысла) в народных загадках и в толковом словаре. Загадка: «Горбатый кот бабе плечи трет». Лексикографическое толкование: «Толстая изогнутая деревянная планка с крючками или выемками на концах для носки ведер на плечах». Из сравнения видно, что совпадение содержания этих выражений ограничивается фактически двумя общими смысловыми элементами, передающими информацию о форме объекта («горбатый» / «изогнутая») и о способе практического его использования («носить на плечах» / «бабе плечи трет»).

Если словарное толкование стремится дать по возможности полный перечень наиболее существенных признаков, то в загадке, преследующей цель заинтриговать и озадачить отгадчика, значительная часть признаков или вовсе отсутствует, или подается в завуалированной, образной форме. В некоторых загадках выбираются совершенно случайные признаки, как в другой загадке про коромысло: «Ни свет ни заря пошел горбатый со двора», – где содержится указание на то, что по воду ходят утром (что совсем не обязательно и верно только отчасти).

В результате «компонентный синтез» для адресата загадки превращается в двухступенчатую процедуру: сначала необходимо соотнести признаки фигуральные и случайные с реальными и существенными, а уже по этим последним отыскивать соответствующий им денотат.

Лексикографическая дефиниция строится с расчетом на то, чтобы максимально облегчить узнавание описываемого объекта, т.е. значения слова. И если предположить, что с этой целью в дефиницию вводятся только существенные признаки, тогда эффект неузнавания (т.е. получение в ответе информанта не того слова) можно объяснить только тем, что автор словаря случайно просмотрел какие-то важные смысловые характеристики у данного лексического значения. Напротив, «составитель» народной загадки намеренно затрудняет, запутывает нахождение правильной отгадки и для этого широко использует лексическую полисемию и омонимию (ср.: «Красна, да не девка» = морковь), ложные признаки, разветвленную систему образности и т.п., чего, естественно, не должно быть в словарной дефиниции.

В заключение необходимо отметить, что в процессе исследования, конечно, встречались примеры неудачных толкований. Но это вовсе не свидетельствует о бестолковости существующих толковых словарей. Напротив, есть все основания считать, что словари дают в целом достаточно верную картину словесной семантики. Некоторые из них – общепризнанные лексикографические справочники, имеющие за собой вековые традиции переиздания и усовершенствования.

Именно поэтому наряду с задачей «проверки» оптимальности словарных дефиниций одна из главных целей исследования – извлечь урок из словарей. Компонентное представление значений в них, хотя и основанное во многом на интуиции составителей и редакторов, тем не менее в некоторых случаях оказывается ничуть не хуже определений, основанных на самых изощренных семантических методиках. Многое зависит от опыта составителя, от его умения за множеством конкретных словоупотреблений увидеть главное и лаконично передать его в словарной дефиниции.

Из всего сказанного можно сделать общий вывод о том, что процедура компонентного синтеза, конечно, нуждается в дальнейшем усовершенствовании, но поскольку она опирается на перцептивные способности среднего носителя языка, она позволяет,

помимо прочего, сформулировать социально адаптированные и наиболее практичные словарные толкования.

Список литературы

1. Англо-русский синонимический словарь / Апресян Ю.Д., Ботякова В.В., Латышева Т.Э. и др.; Под рук. Розенмана А.И., Апресяна Ю.Д. – М.: Рус. яз., 1979. – 544 с.
2. Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Наука, 1981. – Вып. 10. – С. 90.
3. Волоцкая З.М. Некоторые замечания о структуре славянских загадок: (На материале болгарских и польских загадок) // Сов. славяноведение. – М., 1982. – № 1. – С. 62–71.
4. Караулов Ю.М. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – С. 34–35.
6. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М.: Наука, 1986. – 128 с.
7. Кузнецов А.М. Проблемы компонентного анализа в лексике: (Научно-аналитический обзор) / ИНИОН АН СССР. – М., 1980. – 58 с.
8. Паремнологический сборник: Пословица. Загадка: (Структура, смысл, текст). – М.: Наука, 1978. – 229 с.
9. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов / Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – С. 111–304.
10. Fodor J.A. Three reasons for not deriving «kill» from «cause to die» // Ling. inquiry. – 1970. – Vol. 1, N 4. – P. 23–31.
11. Kac M.B. Action and result: two aspects of predication in English // Syntax and semantics / Ed. by Kimball J.P. – N.Y.; L., 1972. – Vol. 1. – P. 28–42.
12. Lakoff G. On generative semantics // Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology / Ed. by Steinberg D.D., Jakobovits L.A. – Cambridge, 1971. – P. 18–35.
13. McCawley J.D. Lexical insertion in a transformational grammar without deep structure // Papers from the 4-th regional meeting, Chicago linguistic society / Ed. by Darden J. et al. – Chicago, 1968. – P. 32–60.
14. McCawley J.D. Kac and Shibatani on the grammar of killing // Syntax and semantics / Ed. by Kimball J.P. – N.Y.; L., 1972. – Vol. 1. – P. 55–68.
15. Seuren P.A.M. Introduction // Semantic syntax / Ed. by Seuren P.A.M. – Oxford, 1974. – P. 10.
16. Shibatani M. Three reasons for not deriving «kill» from «cause to die» in Japanese // Syntax and semantics / Ed. by Kimball J.P. – N.Y.; L., 1972. – Vol. 1. – P. 43–54.
17. Wierzbicka A. Why «kill» does not mean «cause to die»: The semantics of action sentences // Foundations of lang. – 1975. – Vol. 13, N 1. – P. 115–133.